

Halina Levchenko. Olena Pchilka and Lesya Ukrainka in Personal and Creative Interaction. In article has been reviewed leseknowledge topos «complicated relationships» between Lesya Ukrainka with her mother Olena Pchilka. The need to shift the accent in evaluating relationships talented mother and daughter justified different from modern sensuality XIX century, educational traditions noble class, unsteadily in the unambiguous definition genesis of neurotic symptoms. Mother's role is emphasized in formation of creative axiology, in the education and development of artistic daughter's talents, are given the facts of value support its self-fulfillment like the writer and interpreter. Personal example mother, created by her family atmosphere of creativity and self-education, secured by her early success children's situations in literary and translation work, material support for their development creative talents – that all important favorable factors that promote the development of creative abilities. Relationships between mother and Lesya Ukrainka passed the necessary phases formation of any creatively gifted personality: 1) imitation; 2) cooperation; 3) competition; 4) focusing on broader values; 5) focusing on your own values.

Key words: creative personality, talent, values, creative self-actualization, Lesya Ukrainka, Olena Pchilka

---

Левченко Галина Дмитрівна – доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри українського літературознавства та компаративістики Житомирського державного університету імені І. Франка, ruhe@ukr.net

УДК 821.161.2(09) Косач

Алла Діба

За лаштунками судилища «СВУ»: епізод життєпису родини Косачів-Кривинюків

Ця наукова розвідка виконана у межах проєктів, які фінансуються за рахунок коштів бюджетної програми «Підтримка розвитку пріоритетних напрямів наукових досліджень» (КПКВК 6541230).

Наукова розвідка оприлюднює і коментує текст спогадів племінника Лесі Українки Михайла Кривинюка-молодшого (1905–1993) про один з епізодів життя родини Косачів-Кривинюків 1930-го року, коли одночасно з перебуванням Михайла Кривинюка-старшого (1871–1944) у харківській в'язниці на Холодній горі його старшого сина органи держбезпеки намагалися залучити до співробітництва позаштатним освідомлювачем.

Ключові слова: автографи, наукова розвідка, проект, коментарі, спогади, «ворог народу».

Моїм плановим завданням на 2019 рік є опрацювання й оформлення у фонди Інституту літератури колекції листів Михайла Васильовича Кривинюка (1871–1944) періоду Другої світової війни (1941–1944 рр.), окремих листів інших осіб з оточення родини Косачів-Кривинюків та двох важливих текстів – спогадів Михайла Михайловича Кривинюка (грудень 1905 – 7 травня 1993), племінника Лесі Українки по сестрі Ользі, які у ксерокопійних варіантах з автографів, що зберігаються в родині Кривинюків у Єкатеринбурзі (Росія), додала до названої колекції вдова М. М. Кривинюка Ніна Фрідманівна (у дівочтві Вольфсон), вважаючи ці мемуари надзвичайно цінними для розуміння обставин і проблем пережитого родиною Лесі Українки по смерті письменниці. Названа колекція має бути долучена до фонду Ольги Косач-Кривинюк (ф. 107 Відділу рукописних фондів і текстології Інституту літератури імені Т. Г. Шевченка НАН України), бо це матеріали чоловіка і сина Ольги Косач-Кривинюк. У супроводжувальному листі Ніна Кривинюк писала, зокрема, таке:

«Уважаемая Алла Георгиевна!

[...] посылаю еще ксерокопию воспоминаний Михаила Михайловича, которые могут представлять для Вас интерес.

Ваша Н. Кривинюк» (оригінал цього листа представлений у колекції листування та спогадів, які зараз опрацьовуються і додаються до фонду 107, Ольги Косач-Кривинюк, Інституту літератури ім. Т. Шевченка НАН України).

Основні штрихи до біографії Михайла Васильовича Кривинюка означені к есеї «Побратим (М. В. Кривинюк)» [9, с. 72–83] моєї книги «Сподвижники», у публікаціях та, на жаль, у ще неопублікованій книзі Лариси Мірошніченко про родину Кривинюків. Важливими є й залучені до публікацій матеріали про долю родини Косачів по смерті Лесі Українки та близького оточення Косачів у дослідженнях Марії Вальо, Тамари Скрипки (Борисюк), Олександри Шалагінової та мої власні [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12], які представляють різочий контекст описаного у спогадах М. М. Кривинюка.

Про досліджуваний мною фонд, зокрема загальний огляд листів, мною доповідалося на Сиваченківських читаннях у Інституті літератури 21 листопада 2018 р. [4]. Названі листи мають величезну меморіальну та історичну цінність, адже в них відбите в усіх

подробицях життя родини Кривинюків цього періоду, а через це листування подано виразну картину епохи, в якій вони тоді жили. Колись Ольга Косач-Кривинюк (а за життя Лесі Українки й сама письменниця) всіляко підтримувала своїми листами Михайла-старшого, коли він відбував ув'язнення у дожовтневий і в радянський час, а тепер (1941–1944 рр.) вже батько підтримував сина, надсилаючи в пекло бойових дій свої листи, тим самим рятуючи й себе самого від безпросвітної самотності, адже з дружиною і молодшим сином його розділяла лінія фронту.

14 грудня 2018 р. в музеї Михайла Старицького на XIV науковому семінарі «Роль визначних особистостей...» я виступила з доповіддю «“Лікарка-білогвардійка втекла від нас...”: Спогади племінника Лесі Українки Михайла Кривинюка про 1917–1920 рр.» [8], в якій вперше було представлено мемуари М. Кривинюка «Некоторые детские впечатления от гражд[анской] войны (1917–1920 г.г.)» [10] про надзвичайно тяжкий період історії України та життя конкретної родини у час, коли постійно мінялися влади, а звичайні громадяни намагалися врятувати себе, дітей, рештки майна (для рідних Лесі Українки це, в першу чергу, книги, фото, інші архівні матеріали). Цей період був важким, травмічним, повним смертельних небезпек ще й тим, що сестра Лесі Українки була вагітна третьою дитиною (сином Василем). А нові «владці» прагнули захопити й знищити «лікарку-білогвардійку». Одночасно з цим на Полтавщині була заарештована і Олена Пчілка, перебувала у в'язниці, чекаючи на можливий розстріл.

Не менш разючо-трагедійним є текст спогадів «Епізод» [11], в якому М. М. Кривинюк розповідає про події 1930-го р., коли батько мемуариста перебував у харківській в'язниці на Холодній горі, звинувачений в участі у так званій «СВУ». Тим часом старшого сина-студента викликали до НКВД з метою залучення його до співпраці позаштатним співробітником-освідомлювачем. Отже, поданий нижче мовою оригіналу документ розповідає про обставини пережитого роудиною Косачів-Кривинюків у цей період. Названі спогади недатовані. Можливо, вони написані, як і попередньо названі спогади «Некоторые детские впечатления от гражд[анской] войны (1917–1920)», у 1964 р. Ми сьогодні також не знаємо достеменно, чи був цей епізод спілкування зі слідчим НКВД єдиним у житті М. М. Кривинюка, позаяк при зустрічі з його донькою Марією

Садиковою та онуком Михайлом у Київському музеї Лесі Українки вони розповідали таке: «До Свердловська (тепер Єкатеринбурга, Росія) син Ольги Петрівни Косач-Кривинюк і Михайла Васильовича Кривинюка Михайло Кривинюк-молодший переїхав з Києва у 1938 р. по закінченні Київського політехнічного інституту. Залишатися далі у Києві не міг, бо незадовго до від'їзду був запрошений на прийом в органи держбезпеки, де слідчий запропонував йому стати сексотом. На родинній раді з батьками, незважаючи на жорстокі репресії Косачів у той час, було вирішено, що на черговій зустрічі він відмовиться від співробітництва (було дано певний час для роздумів). Вони ще не знали, що того слідчого в ці ж дні заарештували і, здається, навіть розстріляли.

Тим часом Михалка вирішили рятувати. Він перед цими подіями був на виробничій практиці у Свердловську, його запрошували туди на постійне місце роботи. Отже, Михайло Михайлович вийшов з дому на вокзал навіть без речей, щоб не викликати зайвої підозри. З батьками попрощався вдома. А валізу до поїзда принесла двоюрідна сестра» [5]. Отож цей, другий епізод міг відбутися пізніше, і вже та ситуація могла остаточно вплинути на рішення Кривинюків відправити сина подалі від Києва, України, щоб убезпечити його від подальших допитів, вимог про роботу на слідчі органи і можливих репресій. Але беззаперечно першим хронологічно може бути те, що описане в тексті «Епізод». Це ксерокопія з автографа російською мовою, авторська пагінація відсутня. Текст спогадів написано на лицевій сторінці і зворотах сторінок. Всього 14 аркушів тексту. В деяких місцях крайні літери не копіювалися (вони подані мною в квадратних дужках). В оригіналі (зберігається в родині Кривинюків у м. Єкатеринбург, Росія) текст був написаний у шкільному зошиті, де на верхній кришці обкладинки нижче друкованого «Тетрадь» рукою М. Кривинюка написано «Эпизод», а вгорі праворуч «II», що означає – це другий текст спогадів (перший розповідає про часи громадянської війни), на нижній кришці обкладинки – вихідні дані фабрики. Самі події описані на аркушах 1–14 з обох боків аркуша, а на аркуші 14 зворот – тексту немає.

У цьому тексті спогадів наведені, крім усього іншого, важливі свідчення М. М. Кривинюка про батька, зокрема про те, що Михайло Васильович не зміг закінчити навчання в університеті: «Не стану писать список [зазвичай слідчі вимагали назвати усіх знайомих

допитуваного. – *А. Д.*], откажусь. Но тогда, как минимум, выгонят из института. Ну и пусть! Живут же люди и без образования. Отцу не удалось в свое время закончить институт – он от этого хуже не стал. Могут меня и арестовать... Что ж поделаешь? Жаль маму, да и самому не хотелось бы лишаться относительной свободы...» [13, арк. 10 зворот]. Але зауважу, що ми не знаємо достеменно, чи одержав свого часу Михайло Кривинюк-старший диплом у Празі, куди потрапив після перебування у в'язниці, на засланні та неможливості закінчення Університету Святого Володимира, коли, не маючи жодних перспектив у Російській імперії, змушений був виїхати спершу на Галичину (мав спеціальні рекомендаційні листи від Лариси Косач), а згодом і до Праги. Проте у радянський час згадувати про перебування закордоном було небезпечно, а диплом про освіту в Європі міг стати підставою для ув'язнення й навіть розстрілу.

Видатний дослідник української культури, активний учасник багатьох важливих культурологічних проектів, Михайло Кривинюк-старший не міг і мріяти про те, щоб прикласти свої знання та вміння до улюбленої справи: «Тем временем закончился процесс СВУ. Отца осудили условно (оправдывать тогда было “не модно” и из зала суда отпустили “на свободу”. Однако, учитывая общую ситуацию того времени, отец, несмотря на то, что у него были знакомые в Харькове, попросился еще раз переночевать в тюрьме, так как поезд в Киев уходил утром на следующий день. На прежнюю работу в Институт украинского научного языка отец, конечно, не вернулся. Нашел себе бухгалтерскую работу в управлении рынков, а позднее перешел корректором в образцовую типографию: к дому ближе и работа приятнее. Скоро он там стал ударником. Прошел срок его условного осуждения, – три года, – но в анкетах у него оставалось “привлекался, был осужден условно”».

Наслідки для його родини теж не були тріумфальними, поклавши ядучий відбиток на усе подальше життя: «И эта же тень легла на мои анкеты – “отец был под судом, осужден условно” – и долго придавала всем моим делам оттенок неполноценности, сомнительности, двусмысленности, хотя ни по существу, ни формально, меня не в чем было укорять и никто, как будто и не укорял. “Дети за поступки родителей не отвечают!”» [11, арк. 13 зворот – 14].

Отож, шантажували парубка у першу чергу тому, що його батько, Михайло Васильович Кривинюк, сидів у в'язниці на Холодній

горі у Харкові, звинувачений в участі в «СВУ», а син – відповідно – вважався дитиною «ворога народу».

Цинічна «лагідність» розмови зі слідчим, попри всю зовнішню буденність обговорюваного, проектує для Михайла Кривинюка-молодшого досить трагічну перспективу: «– Не только потому, что у вас для этого достаточная грамотность, ну и необходимость, что ли, или надобность, хотя и это имеет некоторое значение. Главным образом для нас важно, что вы знакомы со многими семьями украинских интеллигентов, настроения которых в какой-то степени отражают настроения широких масс, а с другой стороны могут даже оказывать влияние на их формирование. Мы это никак не должны игнорировать. Понимаете?». А ось фраза з арк. 5 зворот: «– [...] Однако вам, больше, чем другому, надо как-то доказать, что вы заслуживаете нашего доверия. А то ведь вы можетке и не закончить институт! Что бы вы стали делать?»

– То же, что собирался сделать, когда не был уверен, удастся ли поступить в ВУЗ: работать. Я ведь электрик. Думаю, работа мне найдется».

Надзвичайно важливим у свідченнях М. М. Кривинюка є те, що він, у першу чергу, боявся не самого арешту, а того, як переживе це його мама – Ольга Косач-Кривинюк (1877–1945), вся родина Косачів. Переживав, як уникнути написання обов'язкового списку добрих знайомих і можливості / неможливості надання свідчень про людей, яким він страшенно боявся зашкодити. Тобто моральні імперативи родини для Косачів-Кривинюків були набагато важливішими за можливість втрати особистої свободи і навіть життя. Оця офіра себе родині і Україні – це те, що виховали у своїх нащадках Ольга і Петро Косачі, батьки Лесі Українки, передавши це їм від герцога Косача, від козацького перекладача Драгомана, Петра і Михайла Драгоманових, а ще всього того, що Косачі-Старицькі-Лисенки вклали у своїх вихованців-плеядівців.

Досліджуваний мною сьогодні текст надзвичайно важливий і в контексті життя Олени Пчілки. Він певним чином увиразнює й пояснює те, чому ця могутня духовно жінка з непоганим, як на свій вік, потенціалом здоров'я (проте агресивно підточуваним обставинами) пішла з цього світу саме восени 1930 р. Бо від 1909 р. вона залишилася главою родини, втративши чоловіка Петра Косача, який тільки зовні на багатьох справляв враження людини м'якої,

лагідної, за сучасними мірками дещо «фімінної» особистості, але це було хибним враженням, бо насправді він був дуже мужнім, дещо навіть впертим, таким собі «міцним горішком». Підтвердженням тому – його звитяжна праця як правозахисника і урядовця, судді третейського суду і громадського діяча-українця, які були протилежними тим псевдофімінним характеристикам батька Лесі Українки. Отож Олена Пчілка в якийсь момент була позбавлена моральної, матеріальної, духовної підтримки чоловіка, його любові й отого повсякчасного душевного прихистку, який вона постійно мала у рідній домівці. Після цього вона повністю взяла удари долі на себе. А вони від 1909 р. сипалися на родину один за одним. У 1913 р. померла дочка Лариса (Леся Українка), згодом онука Ольга, названа на честь бабусі. Але найжорстокішими стали роки панування в Україні більшовизму. Отож і вона сама, і уся родина Косачів-Кривинюків-Борисових постійно переживатиме усілякі репресії, апогеєм яких стануть події кінця 1920-х та весь період 1930-х (серія арештів і безпосереднього нищення її членів), поневіряння сім'ї Лесі Українки у 1940–1950-ті рр., коли вони, зрештою, втрачатимуть і Батьківщину. Материнське серце багато що бачило, відчувало й передчувало. На її очах вбивали найближчих друзів, заарештовували зятів. Вона й сама пережила арешт і чекання розстрілу на рідній Полтавщині, яку окупували більшовики. І це не могло не бути провокацією хвороб і смерті матері роду. Отож – один з епізодів, який провокував смерть Олени Пчілки...

Нижче подають названі спогади Михайла Михайловича Кривинюка у повному обсязі мовою оригіналу з вкрапленнями українською.

Эпизод

Весна 1929 года. Мы тогда жили в Киеве. Я заканчивал третий курс института.

Для нашей семьи это было тяжелое время. Мы не только наравне со многими другим[и] замирая прислушивались вечерами и ночами, не притормаживает ли у наших ворот проезжающая автомашина. В это время мой отец в Харькове, где тогда была столица Украины, сидел в тюрьме на Холодной горе. Его обвиняли в принадлежности к контрреволюционной националистической организации «СВУ» (Союз визволення України). Чтó там было правдой с этой организацией, а чтó – нет, – кто это знает? Судя по

примеру отца, в невиновности которого не сомневался, я полагаю, что в этом процессе было и надуманное и спровоцированное.

Следствие еще не было закончено, но в печати и по радио сообщались различные [п]одробности, списки обвиняемых, которых име[н]овали уже врагами народа, и уничтожающе-[г]ромовые статьи по адресу этих врагов...

Так я неожиданно оказался сыном врага народа. В институте у меня сразу поубавилось «добрых друзей», которые до этого [о]хотно позволяли мне давать им пользоваться[с]я моими конспектами и чертежами. Товарищи из общественных организаций дали мне понять, что отмалчиваться нельзя: я должен высказать свое отношение к происходящему, мне обязательно надо выступить на очередном собрании факультета. Тогда было принято публично отречься от родственников и друзей, попавших под подозрение.

Пришлось согласиться выступить, чтобы не обострять положение. И я выступил, преодолевая не только обычную застенчивость, но и отвращение к таким вынужденным выступлениям. Я не был уверен, что мое выступление удовлетворило «общественников» института. Скорее –наоборот. Я не клеймил отца, я сказал о том, что его арест для меня явился полно[й] неожиданностью, что суть дела мне неясна[,] поскольку следствие еще не окончено и су[д] не состоялся, но что мне, безусловно, чужды контрреволюционные воззрения.

Я сказал правду, но не всю. Я умолчал[,] что сомневаюсь в революционности как ра[з] тех, кто хватает невинных людей, вроде моего отца, то ли сознательно для утверждения собственной значимости, то ли веря любому злостному навету, от кого бы он ни исходил и кого бы ни чернил.

После моего выступления «общественники» оставили меня в покое, «добрые друзья» продолжали не узнавать или не замечать при встречах, а настоящие товарищи спрашивали[,] как идут дела, но они старались это дела[ть] так, чтобы их поменьше видели со мной...

На душе было отвратительно, учиться стало очень трудно, да и казалось ненужным: я [б]ыл уверен, что окончить институт мне не дадут.

Как-то в понедельник (тяжелый день!) мне [с]казали, что моя фамилия значится в списке [в]ызываемых в спецчасть факультета. Сердце [ё]кнуло, подумалось: «Вот и всё!..»

В спецчасті мене вручили тільки вызов [н]а завтра «на Інститутську». На Інститутській [у]лице в зданні бывшего «Інститута благородних девиц» помещалось ГПУ. Мене предупредили, [ч]тобы я никому о вызове не рассказывал.

Но это уж, кому, кому, а маме я о нем [р]ассказал. Ведь с Інститутской я мог бы и не вернуться, хоть и ни в чем не виноват. И что бы тогда мама думала, где бы она меня искала?

Можно себе представить, как мы оба переживали этот вызов!.. Утром мама поцеловала меня «на счастье» и я отправился с мурашками на спине, кошками на сердце, холодком под ложечкой и злостью в мозгу.

В бюро пропусков на Інститутской я показал повестку и получил пропуск с указанием [м] номера кабинета на втором этаже. Вошел, поднялся, нашел дверь указанного мне кабинета в каком-то небольшом боковом коридорчике, где человек десять уже сидели в ожидании очереди и старались придать себе спокойный и независимый вид. Один курил, другой «читал» газету, не шевеля ее удивительно долго, какая-то женщина нет-нет, да и принималась пудриться перед круглым зеркальцем.

Я сел с краю на скамейке рядом с человеком рабочего вида. Когда мимо нас в кабинет прошмыгнула, небрежно постучавшись, какая-то девушка, сосед [п]одтолкнул меня локтем и сказал вполголоса: [«] Эта, видать, из легавых! » Я неопределенно [х]мыкнул в ответ — в это время стало уже [п]ривычным в каждом подозревать прово[к]атора, доносчика.

К тому времени, когда подошла моя очередь войти в кабинет, я немного успо[к]оился. Все, входившие туда до меня, благополучно выбрались обратно и ушли. Может быть и меня не задержат? И все же [к]акая-то противная дрожь проходила по спине [и] сердцебиение участилось, когда потребовалось [о]торваться от скамейки, встать, пройти несколько [ш]агов под взглядами ожидающих, число [к]оторых не убывало, толкнуть дверь и войти в кабинет.

Там за большим столом, на [к]отором не было ничего, кроме письменного [п]рибора и телефонного аппарата, сидел [н]а фоне сейфа и портрета Сталина щуплый человечек в штатском костюме в возрасте между 25 и 45 годами. Он подслеповато смотре[л] на меня через очень толстые стекла очков. Обратился ко мне по-украински:

– Входите. Садитесь.

– Спасибо. – Я подал повестку и пропуск.

Следователь пошелестел какими-то бумагами в отодвинутом ящике стола, не вынима[я] их оттуда и поглядывая то на них, то на меня[.]

– Ваша фамилия Кривинюк?

– Да.

– Михаил Михайлович?

– Да.

– Михаил Васильевич Кривинюк, обвиняемый по делу СВУ, ваш отец?

– Да.

– Что вы можете сказать об этом деле?

– Ничего. Для меня совершенная неожиданность обвинение отца и его арест. Об СВ[У] я знаю только из газет. Может быть это ва[м] кажется невероятным...

– Да нет! Поэтому вы и не под арестом. [Н]о интересно, как вы теперь оцениваете эту организа[ц]ию и участие вашего отца в ней?

– Антисоветским организациям я никогда не сочувствовал. А что касается отца, то я все [е]ще надеюсь, что это недоразумение. Но если [о]кажется...

– Что значит «если»?! – перебил меня следо[в]атель раздраженно, но тут же сдержался и [п]родолжал спокойно: – На что можно надеять[ся]? Ведь вы сами сказали, что читаете газеты.

– Но ведь следствие еще не закончено, еще [б]удет суд...

– Ну, что суду останется делать с мате[р]иалами следствия? Они ведь вполне определен[н]ые. Наши газеты непроверенных материалов [н]е печатают!

Я промолчал, считая тему о газетных материалах слишком скользкой для обсуждения с данным собеседником. Но ему-то молчать не положено по должности и он снова заговорил:

– Вы кончаете институт через год?

– Должен бы кончить...

– Станете, значит, командиром производства? Между прочим, как вы считаете – должны ли мы быть уверены в тех, кому поручаем управлять производством?

– Должны.

– Ну, вот! А можем ли мы так просто доверять выходцу из такой семьи, как ваша?

– А почему бы и нет? Ведь если даже мой отец будет осужден...

– Опять «если»! Мне кажется, что вам следует взвешивать свое положение без этих “если”.

– Я хочу сказать, что есть немало пример[ов,] когда происхождение не определяло взгляд[ы] и поведение человека. Да ведь и официальн[о] говорится: «Дети не отвечают за поступки родителей».

– Говориться-то говорится... Однако вам больше, [че]м другому, надо как-то доказать, что вы за[с]луживаете нашего доверия. А то ведь вы можете не закончить институт! Что бы вы [т]огда стали делать?

– То же, что собирался делать, когда не [б]ыл уверен, удастся ли поступить в ВУЗ: рабо[т]ать. Я ведь электрик. Думаю, работа мне [н]айдется.

– Да, наверно. При таком гигантском строительстве, как наше, потребность в рабочих ру[к]ах огромна – не то, что было 5–6 лет назад. [М]ы растем, крепнем! Это-то и бесит наших [в]рагов. Они пускаются на любые подлости, [ч]тобы задержать наш рост. Диверсии, провокации, [д]аже пустяковые с виду слухи и слушк[и] в их [р]уках становятся оружием против нас. Вы [м]ногого не знаете...

Он помолчал, как бы задумавшись над [с]удьбой народа, которую он призван опекать.

– В этих условиях, – продолжал следователь, – становится очень важно вовремя улавливать настроения масс, анализировать их, устанавлива[ть] их истоки. Если они исходят от врагов, то св[ое]временно открывать людям на них глаза. Есл[и] же в основе их лежат какие-нибудь наши промахи или ошибки, – а ведь они могут случаться иногда, — то надо эти промахи немедлен[но] устранять! Вы с этим согласны?

– Да.

– Ну, вот! Но нам самим это трудно делат[ь]. Ведь нас не так уж много, да и при нас не всегда станут высказываться откровенно. В этом вы как-раз и могли бы нам помочь, а вместе с тем и подтвердить, что заслуживаете наше доверие.

– Боюсь, что ничего у меня не выйдет.

– Ну, почему же? Ведь у вас, наверно, есть немало знакомых, вы с ними разговариваете, бываете в гостях?

– Да нет, ходить по гостям времени вовсе нет. [У]чебная нагрузка большая, да я еще подрабатываю.

– Ну, это много времени не потребует: взять [н]а заметку, если что интересное услышите. И сообщить нам.

– Нет, нет, наверно ничего не получится... Не [с]могу я это делать...

– Вы что же, считаете нашу работу предосуди[т]ельной?

– Нет, но не считаю себя способным ею за[н]иматься.

– Как же это?

– Просто это не подходит к моему характеру. [Н]апример, я считаю деятельность врачей нужной, [п]олезной, но себя к занятиям медициной – [с]овершенно неспособным.

– А помочь врачу в его деле, в спасении [б]ольного, раненого вы же не отказались бы?

– Возможно...

– Вот видите! А мы и есть вроде врачей для общественного организма и чем раньше мы выявим нездоровье, тем успешнее пойдет лечение. Без широкой помощи со стороны наро[да] нам эта задача очень трудна, мы рискуем ошибаться, имея сведения случайные, разрозненные, непроверенные. Нам очень нужна помощь таких людей, как вы – молодых, грамотных. Ну, так как?

Я молчал. Я ему не верил и хитрил. А он, по-моему, это понимал.

– Какой вы нерешительный! Ведь речь н[е] идет же о том, чтобы вы кого-то выслежива[ли,] выпытывали, выдавали. Просто вам надо буд[ет] сообщать, какие разговоры вы слышали, какие настроения наблюдали. Нам даже не обязатель[но] знать фамилии тех, чьи высказывания вы найдете нужным сообщить.

Я молчал. Он закурил и мне предложил. Я сказал, что не курю. Он снова заговорил:

– Мне почему-то кажется, что, если бы вам стало известно о чьих-либо действиях, направленных против советской власти, то вы бы не стали молчать. Ведь правда? Я не ошибаюсь?

– Да, конечно.

– Кстати, тут вот надо такую бумажку [п]одписать..

Он подал мне подготовленный заранее [т]екст обязательства сообщать в органы госбезопасности о контрреволюционных действиях [и] намерениях, если таковые станут мне известны. Возражать против этого, вроде бы, и [н]ечего... Я подписал и отдал следователю. Он [в]зял, посмотрел, подумал и сказал:

– Пожалуй, тут еще надо добавить вот так, – и к «действиям и намерениям» приписал еще [и] «настроения».

Это меняло характер обязательства, но было [у]же поздно — оно исчезло в приоткрытом ящике [с]тола... Не давая мне опомниться, следователь [о]пять заговорил:

– Вы понимаете, почему мы именно к вам обращаемся за помощью? Я пожал плечами, хотя и догадывался.

– Не только потому, что у вас для этого достаточная грамотность, ну и необходимость, что ли, или надобность действительно подтвердить вашу лояльность, хотя и это имеет некоторое значение. Главным образом для нас важно, что вы знакомы со многими семьями украинских интеллигентов, настроения которых в какой-то степени отражают настроения широких масс, а с другой стороны могут даже оказывать влияние на их формирование. Мы это никак не должны игнорировать. Понимаете[?]

– Понимаю, – сказал я потому, что и в самом деле понимал его демагогию.

– Ну, вот и прекрасно! Значит, договорились: как чуть что – даете знать нам. Только, вот еще что — сюда часто ходить и вам неудобно, и нам нежелательно. Свои сообщения будете передавать мне. Запомните мою фамилию и адрес. Записывать не надо!

Он назвал и сказал адрес. То и другое я помнил довольно долго, но сейчас уже забыл. Помню только улицу – Красноармейскую.

– Когда ко мне приходите, я буду вам назначать. Между прочим – кто-нибудь знает, где вы сейчас находитесь?

– Знают в нашей спецчасти.

– Ну, спецчасть не в счет! Я спрашиваю о ваших родных, знакомых. Никто не знает?

– Нет, никто.

– Это правильно. Никого и не надо впутывать в эти дела. Вы женаты?

– Нет.

– Так вот: когда будете ко мне заходить, тоже не говорите об этом никому. Ничего из того, о чем я буду с вами говорить и о чем мы говорили сегодня, никому нельзя рассказывать. Понятно?

– Понятно.

— Последнее, о чем хочу сказать. Свои сообщения вы будете подписывать не настоящей фамилией, а каким-нибудь псевдонимом. Каким бы вы хотели?

– Да все равно.

– Ну, тогда пусть будет «Петров». Об этом тоже надо составить документ.

Он покопался в своем ящике и достал подготовленный бланк заявления о том, что я свои сообщения буду подписывать... Следователь вписал «Петров» и подал мне подписать.

– Для того, чтобы вам не расплыть внимание в дальнейшем, а нам точно установить, где вы можете быть особенно полезны, вы составите и принесете мне через три дня список своих знакомых.

– Всех знакомых?!

– Желательно всех тех, о которых вы знаете, где они в настоящее время. В первую очередь живущих в Киеве. О других надо указать, в каких местах проживают. Значит так: фамилия, имя, отчество, год рождения – хотя бы приблизительно, где проживает, чем занимается. Если чего не знаете, пропустите. Хватит вам трех дней?

– Не знаю.

– Ну, принесете, что успеете. Посмотрим. Приходите в субботу в 3 часа. Адрес запомнили?

– Запомнил.

– Хорошо. Вот пропуск. До свидания.

Я без удовольствия пожал маленькую вялую руку. Но пропуск взял с облегчением. Мне надо было поскорее выбраться из этого гнетущего кабинета, вздохнуть, опомниться, обдумать положение. Всему этому мешал подслеповатый взгляд через толстые стекла очков. Выходя из кабинета я постарался скрыть свою радость, как скрывал страх и уныние при входе.

Я не знал, сколько я пробыл в кабинете, но казалось, что бесконечно долго, и было удивительно, что еще светит солнце. Выбравшись за ворота, я поторопился прямо домой – я ведь знал, в какой тревоге мама!

Я ехал в трамвае и думал. Представлял себе, что было бы, если бы я принес следователю заказанный им список знакомых. Это было бы только началом мучительного пути. В этом списке мне укажут «объекты», подлежащие более частым посещениям, более тщательному запоминанию высказываний. А мне уже будет не до более частых посещений, а станет вовсе неприятно встречать людей и слышать их речи, совестно будет смотреть им в глаза... Но меня будут понукать: «Заслуживай доверие, доказывай лояльность!» Будут

заказывать тематику разговоров, приближая меня к провокациям... Вспомнились безнадежные усилия мухи на липкой бумаге... Нет, нет, нельзя ступать на этот путь! Не стану писать список, откажусь. Но тогда, как минимум, выгонят из института. Ну и пусть! Живут люди и без образования. Отцу не удалось в свое время закончить институт — он от этого хуже не стал. Могут меня и арестовать... Что ж поделаешь? Жаль маму, да и самому нехотелось бы лишиться относительной свободы...

К концу пути созрело решение: списка не давать, а там — будь что будет! Для укрепления в этом решении мне нужно было мамино одобрение.

Мама была дома, ждала меня, обрадовалась, когда я вернулся. Бросилась ко мне: «Ну, что?» Я подробно рассказал о разговоре со следователем и о своем решении не давать списка. Трудно передать, как изменилось выражение маминого лица от предчувствия разлуки еще и со мной. Однако она сразу же согласилась, что не надо списка составлять, а прийти к следователю и прямо ему об этом заявить.

Тоскливо стало на душе, хотя, как будто, бремя навалившееся было на нее, свалилось. Это было бремя невольного колебания относительно списка, составление которого как будто сулило возможность как то изворачиваться, но все время представлялось подлостью.

Ходил ли я эти два дня в институт, не помню. Наверно, ходил, хотя и считал теперь это дело конченным и вряд ли что-нибудь мог усвоить на лекциях. Поделиться своим настроением не мог ни с кем, кроме мамы, а ее расстраивать еще больше не хотел. Чувствовал себя беспомощной щепкой, которая два дня повертится в тихой заводи, а там подхватит ее поток и понесет невесть куда...

Настала суббота. Пол дня я кое-как проканителлся, а потом попрощался с мамой и ушел из дому, почти не надеясь на скорое возвращение.

Вышел я заранее, чтобы не торопясь пройти по улицам пешком, хоть это было и не близко. Шел, любовался весенним видом киевских улиц, старался насмотреться, мысленно с этими улицами прощаясь. Остановился у киоска, выпил стакан газированной воды с сиропом, хотя пить и не хотелось. Просто подумалось, что потом пожалею, почему не попил, когда еще была возможность.

Вот, наконец, Красноармейская улица и время уже подходит к 3 часам... Вот дом, вот вход в подъезд со двора, лестница, на втором этаже квартира. Вот ее дверь, вот кнопка звонка... Всё!

И тут кинжальная мысль: «Не звонить! Уйти! Убежать!» И вторая: «Не поздно ли надумал?..» Прислушался – за дверью никакого движения и сзади на лестнице тоже. Но тут еще мысль: «Куда уйдешь? Чего добьешься? Из-за моего ухода начнут приставать к маме. Мало у нее и так неприятностей? Нет уж – пришел, так доводи дело до конца!»

Я позвонил. Звона не слышно, то ли звонок испорчен, то ли он далеко. Я нажал на кнопку еще раз. За дверью послышались шлепающие шаги и старушечий голос спросил:

– Кто там?

Я сказал:

– Здесь живет такой-то?

Дверь приоткрылась, прихваченная на цепочку. В щели виднелось лицо старухи.

– А что вы хотели?

– Мне назначено прийти в это время.

– Никого нет, дома. Может зайдете подождать?

– Да нет, ведь неизвестно, когда он придет. Уж в другой раз, – изобразил я смущение и растерянность (а сам обрадовался!), тут же круто повернулся, не слушая, что еще там говорила старуха, и поспешил вниз по лестнице, через двор, в подворотню — пока не вернулся тот, к кому я приходил, от всей души желая никогда его не видеть. Почти добежал до ближайшей трамвайной остановки, сел в первый подошедший вагон и с пересадкой поехал домой.

Я не мог расценивать случившееся, как избавление, я считал, что это только отсрочка, но все равно радовался.

Рассказав все маме, я засветло улегся спать. Сон часто служил мне лекарством при всяких переживаниях. Не изменил он мне и на этот раз.

В воскресенье мне никуда не хотелось показываться и я весь день пробыл дома, радуясь этой возможности.

В понедельник пошел в институт. По-настоящему заниматься не мог. Казалось, со всех сторон на мне скрещивались какие-то ускользающие взгляды студентов. Несколько раз я невзначай

наведывался к доске объявлений, нет ли мне вызова в спецчасть. Там моя фамилия не значилась.

Так прошел и вторник. Среда. Четверг. Пятница...

Я недоумевал и ждал какого-нибудь особенного подвоха. Но, вместе с тем, в душу закрался робкий зародыш надежды: «А вдруг так все и обойдется?»

Чем дальше, тем больше укреплялась надежда, стала привычной, а потом превратилась в уверенность, а недоумение осталось по сей день. Что там случилось с «моим» следователем, куда его унес поток, чье “доверие” он обманул?

Я продолжал ходить в институт, снова втянулся в работу, избавился от появившейся было мнительности и не стал расценивать случайные взгляды в мою сторону, как “какие-то ускользающие”, более определенно разобрался, кто из моих коллег чего сто́ит, и восстановил товарищеские отношения с теми, кто этого заслуживал.

Тем временем закончился процесс СВУ. Отца осудили условно (оправдывать тогда было «не модно») и из зала суда отпустили “на свободу”. Однако, учитывая общую ситуацию того времени, отец, несмотря на то, что у него были знакомые в Харькове, попросился еще раз переночевать в тюрьме, так как поезд в Киев уходил утром на следующий день. На прежнюю работу в Институт украинского научного языка отец, конечно, не вернулся. Нашел себе бухгалтерскую работу в управлении рынков, а позднее перешел корректором в образцовую типографию: к дому ближе и работа приятнее. Скоро он там стал ударником. Прошел срок его условного осуждения, – три года, – но в анкетах у него оставалось «привлекался, был осужден условно».

И эта же тень легла на мои анкеты – «отец был под судом, осужден условно» – и долго придавала всем моим делам оттенок неполноценности, сомнительности, двусмысленности, хотя ни по существу, ни формально, меня не в чем было укорять и никто, как будто и не укорял. «Дети за поступки родителей не отвечают!».

Література

1. Борисюк (Скрипка) Тамара. Трагедія великого роду // Літературна Україна. 1 серпня 1991 р. С. 7.
2. Вальо Марія. Подвиг сестри Лесі Українки. Листи Ольги Косач-Кривинюк до Марії Деркач // Дзвін. 1895. №5 (607). Травень. С. 105–121;

3. Диба Алла. «Благаю Вас допомогти мені реабілітувати себе і повернути мені свободу...»: Матеріали слідчої справи Ізидори Косач (Борисової). Текст для збірника на пошану Сергія Білоконя. 2019 р. Комп'ютерний набір. 14 стор.
4. Диба Алла. Доля побратима Лесі Українки: Епістолярій Михайла Кривинюка (1871 — 1944) періоду Другої світової війни. Комп'ютерний набір 7 стор. Виступ на V Текстологічних читаннях пам'яті Миколи Сиваченка. Київ, 21 листопада 2018 р.
5. Диба Алла. Зустріч з Кривинюками у Києві 23 квітня 2009 року (Київський музей Лесі Українки): Конспект Алли Диби // *Леся Українка і родина Косачів в контексті української та світової культури*. Науковий збірник. Випуск 4. / Упорядн. А. Силук. Луцьк, 2011. С. 26–30.
6. Диба Алла. Із сузір'я друзів: Звитязці Кобилки-Сидоренки (Матеріали до майбутньої Енциклопедії Лесі Українки) // *Волинь філологічна: текст і контекст*. Універсум Лесі Українки: зб. наук. пр. / упорядкув. С. М. Романова. Луцьк: Східноєвроп. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2016. Вип. 22. С. 245–259.
7. Диба Алла. «Лікарка-білогвардійка втекла від нас...»: Спогади племінника Лесі Українки Михайла Кривинюка про 1917–1920 рр. Комп'ютерний набір. 10 стор. Для наукового збірника Музею видатних діячів української культури.
8. Диба Алла. Розбите свічадо: Доля родини Косачів по смерті Лесі Українки // *Минуле і сучасне Волині та Полісся: Олена Пчілка і родина Косачів в історії інтелектуальної еліти України та Волині*: Науковий збірник: Випуск 33. Луцьк, 2009. С.153–158.
9. Диба Алла. *Сподвижники: Леся Українка у колі соціал-демократів*. Київ: Основні цінності, 2003. 173 с.; 32 с. фото (Сер. “Спадщина”).
10. Кривинюк Михайло. Некоторые детские впечатления от гражд[анской] войны (1917–1920). Ксерокопія автографа російською мовою. 43 стор. + сторінка із заголовком (пагінація автора).
11. Кривинюк Михайло. Епізод. Ксерокопія з автографа російською мовою. 14 арк.
12. Шалагінова Олександра. *Сестри* // Київ. 1992. №3. Березень. С. 121–126.

References

1. Borysiuk (Skrypka) Tamara. *Trahediia velykoho rodu* [Tragedy of the Great Family]. In: *Literaturna Ukraina*. 1 serpnia 1991. P. 7. (in Ukrainian)
2. Valo Mariia. *Podvyh sestry Lesi Ukrainky. Lysty Olhy Kosach-Kryvyniuk do Marii Derkach* [The Feat of Lesya Ukrainka's Sister. Letters from Olga Kosach-Kryvyniuk to Maria Derkach]. In: *Dzvin*, 1895, no. 5 (607). Traven. P. 105–121. (in Ukrainian)
3. Dyba Alla. «*Blahaiu Vas dopomohty meni rehabilituvaty sebe i povernuty meni svobodu...*»: *Materialy slidchoi spravy Izydory Kosach (Borysovoi). Tekst dlia zbirnyka na poshanu Serhiia Bilokonja* ["I beg you to help me to rehabilitate myself and give me the freedom ...": Materials of the Investigative Work of Isidora

- Kosach (Borysova). The Text for the Collection in Honor of Sergei Bilokin]. 2019 r. Kompiuternyi nabir. 14 stor. (in Ukrainian)
4. Dyba Alla. *Dolia pobratyma Lesi Ukrainky: Epistoliarii Mykhaila Kryvnyiuka (1871 — 1944) periodu Druhoi svitovoi viiny* [The Fate of Lesia Ukrainka's Sister: The Epistolary of Mykhailo Kryvnyiuk (1871 – 1944) of the Period of the Second World War]. Kompiuternyi nabir 7 stor. Vystup na V Tekstolohichnykh chytanniakh pamiati Mykoly Syvachenka. Kyiv, 21 lystopada 2018 r. (in Ukrainian)
  5. Dyba Alla. Zustrich z Kryvnyiukamy u Kyievi 23 kvitnia 2009 roku (Kyivskiy muzei Lesi Ukrainky): Konspekt Ally Dyby [Meeting with Kryvnyiuk in Kiev, 23st. of April, 2009 (Kyiv Museum of Lesia Ukrainka): Alla Dyba's Conspiracy]. In: *Lesia Ukrainka i rodyna Kosachiv v konteksti ukrainskoi ta svitovoi kultury. Naukovyi zbirnyk*. issue 4. Lutsk, 2011. P. 26–30. (in Ukrainian)
  6. Dyba Alla. *Iz suziria druziv: Zvytiazhti Kobylky-Sydorenky (Materialy do maibutnoi Entsyklopedii Lesi Ukrainky)* [From the Constellation of Friends: The Winners Kobylky-Sidorenky (Materials for the Future Encyclopedia of Lesia Ukrainka)]. In: *Volyn filolohichna: tekst i kontekst. Universum Lesi Ukrainky*. 2016, issue 22. P. 245–259. (in Ukrainian)
  7. Dyba Alla. «*Likarka-bilohvardiika vtekla vid nas...*»: *Spohady plemynnyka Lesi Ukrainky Mykhaila Kryvnyiuka pro 1917–1920 rr.* [«The White Guard Doctor Flew From Us ...»: Memoirs of Lesya Ukrainka's Nephew Mikhail Kryvnyiuk About 1917 – 1920]. Kompiuternyi nabir. 10 stor. Dlia naukovooho zbirnyka Muzeiu vydatnykh diiachiv ukrainskoi kultury. (in Ukrainian)
  8. Dyba Alla. Rozbyte svichado: Dolia rodyny Kosachiv po smerti Lesi Ukrainky [Broken Mirror: The Fate of the Kosach Family After the Death of Lesia Ukrainka]. In: *Mynule i suchasne Volyni ta Polissia: Olena Pchilka i rodyna Kosachiv v istorii intelektualnoi elity Ukrainy ta Volyni*. Lutsk, 2009, issue 33. P. 153–158. (in Ukrainian)
  9. Dyba Alla. *Spodvyzhnyky: Lesia Ukrainka u koli sotsial-demokrativ* [Companions: Lesya Ukrainka in the Circle of Social Democrats]. Kyiv, 2003. 173 p.; 32 s. foto (Ser. “Spadshchyna”). (in Ukrainian)
  10. Kryvnyiuk Mykhailo. *Nekotorye detskiye vpechatleniia ot hrazhd[anskoj] voiny (1917–1920)* [Some children's impressions of the Gray [war] (1917–1920)]. Kserokopiia avtohrafa rosiiskoiu movoiu. 43 stor. + storinka iz zaholovkom (pahinatsiia avtora). (in Russian)
  11. Kryvnyiuk Mykhailo. *Эпизод. Ксерокопия з автографа рошискоиу мовоиу* [An Episode. Photocopy from the Autograph in Russian]. 14 ark. (in Russian)
  12. Shalahinova Oleksandra. *Sestry* [Sisters]. In: *Kyiv*, 1992, no. 3. Berezen. P. 121–126. (in Ukrainian)

Alla Dyba. Behind the Scenes of Court «ULU»: An Episode from the Biography of the Kosach-Kryvnyiuk Family. Scientific intelligence announces and comments on the memoirs of Lesya Ukrainka’s nephew Mykhailo Kryvnyiuk Jr.

(1905–1993) about one of the episodes of the life of the Kosach-Kryvynyuk family in 1930, when at the same time with the stay of Mykhailo Kryvynyuk Sr. (1871–1944) in the Kharkiv prison on the Kholodna ghora of his eldest son the state security authorities tried to engage in cooperation with a freelance detective.

Key words: scientific intelligence, autographs, project, comments, memoirs, «enemy of the people».

Диба Алла Георгіївна – письменниця, науковий співробітник Інституту літератури імені Т. Шевченка НАН України, dyba@ukr.net

УДК 821.161.2

Тетяна Вільчинська, Олександр Вільчинський

Жанрово-стильові особливості поетичної драматургії Лесі Українки у вітчизняній та діаспорній науковій парадигмі (на матеріалі «Лісової пісні»)

Стаття присвячена аналізу жанрово-стильових особливостей драматургії Лесі Українки, розглянутих на прикладі драми-феєрії «Лісова пісня», засвідчених у сучасній науковій парадигмі. Дослідження продемонструвало непереврене вміння письменниці поєднувати національні традиції з європейським контекстом, світові тенденції в розвитку літератури з українськими реаліями, що знайшло високу оцінку науковців в Україні та за її межами.

Ключові слова: Леся Українка, драматична поема, драма-феєрія «Лісова пісня», модернізм, неоромантизм, міфопоетика.

З метою встановлення багатоаспектних і різноманітних зв'язків літератури і мови з культурою з позицій народного світобачення, з урахуванням особливостей психіки, традицій, звичаїв і вірувань, властивих нашому етносу, науковці все частіше звертаються до творів національної класичної літератури, зокрема кінця XIX – початку XX ст. Адже саме в цей період українська художня проза, поезія й драматургія набули загальнонародного, загальнонаціонального характеру, подали високі зразки художньої майстерності, виявили глибинні, часом потаємні, до кінця не пізнані особливості «української душі». Не відмовляючи творам наступного